

степени тучныхъ животныхъ, какъ у чукчей. У этихъ послѣднихъ случаются олени буквально сплошь обросшіе, точно свиньи, слоємъ жира пальца въ два-три толщиною. Изъ оленьяго жира можно готовить отличныя свѣчи, твердостью, опрятностью горѣнія и свѣтомъ пламени значительно превышающія наши сальныя свѣчи, а также прекрасное, плотное мыло.

Рогатый скотъ.

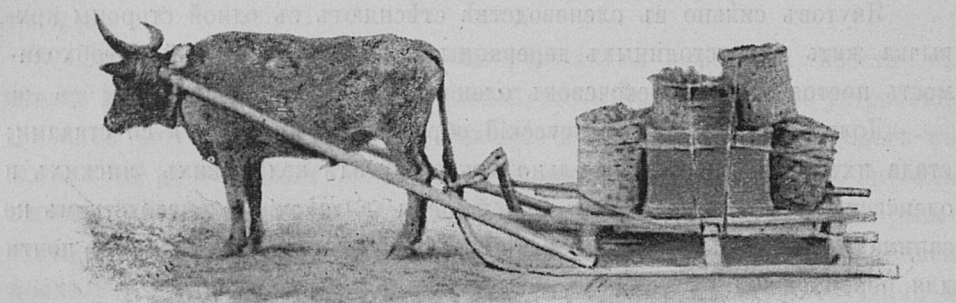

Рис. 14. Якутскій быкъ шести лѣтъ (съ фотографіи).

Первое, что бросается въ глаза въ наружности якутскаго скота — это необыкновенно длинная и густая его шерсть зимою. Длина волосъ достигаетъ $1\frac{1}{2}$ и 2-хъ дюймовъ; густота даже лѣтняго одѣянія много превышаетъ густоту шерсти нашего скота. Ростомъ якутскій скотъ мельче европейскаго, но крупнѣе бурятскаго. Средній вѣсъ мяса (безъ внутренностей, головы и голеней) можно принять для самцовъ — 9-ть пудовъ, для самокъ — 7 пудовъ; выше этой нормы скотъ считается здѣсь крупнымъ, ниже — мелкимъ. Вѣсъ, впрочемъ, сильно зависитъ отъ степени тучности; для выше приведенныхъ данныхъ я имѣлъ ввиду скотъ средній, немного старше 4-хъ лѣтъ, гулявшій свободно, недоеннымъ или неупотребляемымъ въ работу, всего нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ. Средней степенью тучности считается у быка — 1 пудъ 10 фун. внутренняго жиру, и 1 пудъ жиру — у коровы; самые крупные и жирные изъ извѣстныхъ мнѣ образцовъ дали: корова, гулявшая 2 года яловой, 12 пудовъ мяса и 2 пуда жиру, быкъ — 18 пудовъ мяса и 2 пуда жиру.

Холощенные быки всегда крупнѣе поросятъ; скотъ сѣверный (верхоанскій и колымскій) мельче скота изъ южныхъ округовъ.

По формѣ якутскій скотъ можно назвать низкимъ и длиннымъ. Вышина его отъ земли до крестца рѣдко превосходитъ 4 фута, между тѣмъ какъ длина не рѣдко достигаетъ 7 футовъ. У него небольшая

короткая голова; небольшіе, гладкіе рога; ноги короткія, узловатыя; холка невысокая, спина слегка выгнута, шея развита слабо. Вообще весь костякъ довольно жидкій, и скоть кажется на видъ много тщедушнѣе европейскаго. Это живой, подвижный, горный скоть, ловко лазающій по крутизнамъ и прекрасно пробирающійся сквозь лѣсную чащу. Верховые якутскіе быки умѣютъ ходить крупной «переступью», неуступающей у нѣкоторыхъ экземпляровъ лошадиной иноходи. На саняхъ якутскій быкъ въ состояніи увезти отъ 20 до 25 пудовъ тяжести, но на далекія разстоянія якуты рѣдко грузятъ больше 15—17 пудовъ.

Корова даетъ въ среднемъ отъ 4 до 5 бутылокъ молока въ день. Эта слабосильность и неудойливость якутскаго скота въ значительной степени обусловлена уходомъ. Разъ ятутскій скоть попадаетъ въ лучшія условія, онъ быстро крѣпнеть и дѣлается молочнѣе. Быкъ безъ труда везетъ 20 пудовъ за нѣсколько сотъ верстъ, корова начинаетъ давать до 10—12 бутылокъ въ день. Ростъ, время течки и отела, качество мяса, кожи, молока, понятно тоже, сильно улучшаются, разъ якутскій скоть попадаетъ въ руки богатыхъ русскихъ колонистовъ или скопцовъ, ведущихъ хлѣбное хозяйство, гдѣ скоть начинаютъ кормить хлѣбомъ. Особенно замѣтно это на скотѣ, который съ дѣтства или въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній воспитывался въ благопріятныхъ условіяхъ. Замѣтно это даже на скотѣ богатыхъ якутовъ, хотя тамъ уходъ остается тотъ-же и только слабѣетъ степень голода, отъ котораго страдаетъ зимою весь безъ исключенія якутскій скоть.

Способность переносить дурную погоду, холодъ, голодь, недоѣдать, ѣсть положительно все, всякую растительную «вѣтошь», удовлетворяться въ случаѣ надобности чрезвычайно малымъ, а затѣмъ быстро отъѣдаться на хорошихъ кормахъ и въ послѣдствіи жить на запасъ накопленнаго жиру и мяса—замѣчательно развита у якутскаго скота. На это тратится огромная масса энергіи, но, въ смыслѣ продуктивности, свойство это не имѣетъ почти значенія, если только не вліяетъ отрицательно; за то оно дѣлаетъ скоть неоцѣненнымъ въ качествѣ піонера скотоводства. Только благодаря ему, удалось якутамъ такъ далеко на сѣверъ провести рогатыхъ. Они теперь самые сѣверные скотоводы не только въ Азіи, но и на всемъ земномъ шарѣ. Самыя сѣверныя извѣстныя мнѣ скотоводческія ихъ колоніи находятся на р. Амолю ¹⁾ подъ 70° с. ш., а самая сѣверная, изъ посѣщенныхъ мною, была въ 1882 г. на р. Янѣ подъ 69° у впаденія въ нее рѣчки «Кюмясь». На Колымѣ, Алазѣ, Индигиркѣ распространеніе рогатаго скота не достигаетъ въ настоящее время этихъ ши-

¹⁾ Впадаетъ въ Ледовитый океанъ западнѣе Яны въ Борхойскую губу.

ротъ; оно прекращается южнѣе градуса на два. Въ старину оно достигало Ледовитаго океана, конечно, только въ рѣчныхъ долинахъ. Сохранились также остатки рогатаго скота въ Устьянскѣ, и преданіе о немъ въ Нижне-Колымскѣ и на Аллайхѣ (низовья Индигирки).

На плоскогорьяхъ, гдѣ и пастбища грубѣе и больше болотъ, и холоднѣе, а главное, гдѣ люди не такъ охотно селятся, какъ надъ рѣками, скотоводство уходитъ въ глубину лѣсовъ на нѣсколько сотъ верстъ отъ его границъ. Въ долину р. Лены и на западъ отъ нея скотоводство отступаетъ еще болѣе на югъ; тамъ оно нигдѣ не переходитъ сѣвернѣе внутренняго горнаго пояса. Есть тамъ, впрочемъ, преданія о скотоводствѣ въ одной мѣстности, именно: на Жессейскомъ (Эсэ) озерѣ, въ настоящее время совершенно безлюдномъ. На рѣкѣ Енисеѣ скотоводство опять переходитъ за полярный кругъ. Миддендорфъ говоритъ о стадѣ коровъ штукъ въ 20 у монаховъ Туруханскаго Троицкаго монастыря; дальше на сѣверѣ онъ встрѣчалъ рогатый скотъ у шорохинскихъ якутовъ и русскихъ крестьянъ ниже селенія Хантайскаго ¹⁾. На берегахъ Охотскаго моря скотоводство пришло въ совершенный упадокъ. Не смотря на старанія правительства, на «казенныхъ коровъ» и особыя скотоводческія должности, не смотря на постоянный подвозъ туда скота изъ Якутскаго округа, Миддендорфъ въ 1844 году засталъ въ Удскомъ острогѣ всего 7 головъ, крайне жалкихъ и погибающихъ. Теперь, насколько мнѣ извѣстно, тамъ совсѣмъ нѣтъ скота. Въ окрестностяхъ Охотска скотъ уцѣлѣлъ только въ якутскихъ селеніяхъ, но и тамъ количество его не возрастаетъ, а падаетъ. Причину такого неудачнаго насажденія скотоводства вблизи морскаго берега нужно искать по словамъ Миддендорфа не въ климатическихъ условіяхъ и отсутствіи пастбищъ, а въ обиліи рыбы.

Все вниманіе населенія въ такихъ мѣстностяхъ естественно направлено на рыболовство, уходъ за скотомъ по недосугу дѣлается небрежнѣе, а этого совершенно достаточно, чтобы неокрѣпшій, не примѣнившійся къ условіямъ и малочисленный скотъ на рубежахъ его распространенія началъ вырождаться, хирѣть, а затѣмъ гибнуть, то отъ заразы, то отъ безкормицы. Небрежность, возникающая вслѣдствіе перемѣщенія хозяйственнаго центра, выражается въ началѣ часто въ очень незначительныхъ подробностяхъ. И такъ: въ Колымскомъ округѣ хлѣва тѣсны, совершенно темны, и за рѣдкими исключеніями не вентилируются ежедневной топкой. Они строятся тамъ отдѣльно отъ человѣческихъ жилищъ, а у людей, занятыхъ рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ, нѣтъ времени и силъ

¹⁾ Миддендорфъ. Путешествіе. Часть II; Отд. V, стр. 549.

протапливать ихъ. Ихъ строятъ такого размѣра, чтобы они согрѣвались тепломъ самихъ животныхъ. Такое отдѣленіе, при якутскомъ способѣ содержанія скота, полезно для людей, но безусловно вредно для животныхъ. Нужно слышать жалобное, смиренное мычаніе скота при входѣ къ нему человѣка, чтобы понять, какъ скучно ему въ здѣшнюю безконечно длинную зиму въ душныхъ, темныхъ, молчаливыхъ хлѣвахъ, какъ тоскуетъ онъ тамъ за привычнымъ ему обществомъ своего господина, за говоромъ и движеніемъ людскимъ, за блескомъ огня.

Между тѣмъ здѣсь даже выводится обычай кормить скоть зимою на дворѣ и мало-по-малу исчезаютъ приспособленія для защиты его въ это время отъ вѣтра и снѣжныхъ заносовъ. Скоть кормятъ или въ хлѣвахъ или на вѣтру и часто въ періодъ выюгъ, въ продолженіи многихъ недѣль, его выгоняютъ только на водопой. На Индигиркѣ, на Уяндинѣ, въ низовьяхъ Яны повторяется тоже самое. Если обратимся затѣмъ къ уборкѣ сѣна въ рыболовныхъ мѣстностяхъ, то замѣтимъ ту же небрежность: промыселъ не позволяетъ косить и убирать сѣна въ-время; оно переставается, деревенѣетъ, затѣмъ, въ ожиданіи досуга хозяевъ, не рѣдко гниетъ въ копнахъ или уносится наводненіями. На Ситкѣ и устьяхъ Вилюя косятъ, напримѣръ въ концѣ августа; трава тамъ грубый, второсортный пырей и осока; сѣно получается скверное. «Такого сѣна не ѣсть нашъ скоть, развѣ въ голодъ» рассказывали мнѣ Намскіе якуты. Самыя обильныя рыбой мѣста—это устья сѣверныхъ рѣкъ, между тѣмъ, чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ больше удлинняется время, въ продолженіе котораго скоть требуетъ самаго внимательнаго ухода. Если въ южныхъ округахъ кормить сѣномъ и держать въ хлѣвахъ приходится съ Покрова (1 октября) до Никола (9 мая), то на сѣверѣ срокъ этотъ отодвигается до конца мая, а начинается не рѣдко на Семеновъ день (1 сентября). Не удивительно, что скоть тамъ хирѣетъ.

Ночи всюду якутскій скоть проводитъ зимою въ хлѣвахъ; по мѣрѣ укорачиванія дня и увеличиванія холодовъ время пребыванія на воздухѣ естественно уменьшается, наконецъ оно сводится до 2-хъ даже до 1-го часу въ день. Всегда ли такъ было и насколько правъ Гмелинъ, сообщая, что «якуты пасутъ свой скоть всю зиму на подножномъ корму»¹⁾, рѣшать не берусь; вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду только конный скоть. Отмѣчу только, что и рогатый якутскій скоть при обильномъ питаніи прекрасно переноситъ стужу. Якуты это знаютъ. «На холодѣ скотина

¹⁾ Гмелинъ. Путешествіе, томъ II, стр. 395.

жирѣть; она больше ѣсть. Нужно только не вводить ее въ хлѣвъ (хотонъ) съ осени. Мы такъ откармливаемъ лучшихъ убойныхъ животныхъ: пускаемъ въ зародъ сѣна (кюре) съ Покрова и тамъ она днюетъ и ночуетъ» (Намскій ул., 1889 г.). На дорогѣ можно не разъ видѣть, какъ рабочіе быки, везущіе тяжести въ городъ, ночуютъ въ январѣ и декабрѣ подъ открытымъ небомъ, вмѣстѣ съ своими господами. Въ Западномъ Кангаласкомъ улусѣ у богатыхъ крестьянъ я встрѣчалъ быковъ, которые изъ году въ годъ всю зиму проводили въ холодномъ сквозномъ загонѣ. Они, точно медвѣди, обросли густой пушистой шерстью, но были бодры. Хозяинъ увѣрялъ, что они: «больше везутъ, но только и ѣдятъ больше; все ровно кладѣ на такого быка сѣна (корму) въ зиму, какъ на коня!» Нѣкоторые скопцы и нѣкоторые политическіе ссыльные находили возможнымъ даже телятъ и дойныхъ коровъ держать въ холодныхъ хлѣвахъ, во избѣжаніе парши и паразитовъ; удоиность отъ этого не страдала, скотъ казался бодрымъ и только сѣдалъ больше сѣна. О такихъ опытахъ у якутовъ я не слыхалъ. Они черезчуръ дорожатъ сѣномъ, стремятся кормить скотъ возможно экономно и держать его возможно много.

Съ конца апрѣля, самое большее съ 9-го мая, въ южныхъ округахъ установлено, что скотъ уходитъ на подножный кормъ. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, какъ я это сообщалъ выше, срокъ этотъ замедляется недѣли на двѣ, на три, смотря по году и мѣстности. Уже съ того момента, когда кончики прошлогоднихъ травъ стали выглядывать изъ подъ тающего и осѣдающаго снѣга, даже въ годы обильные сѣномъ, дачи сѣна скоту уменьшаются. Въ маѣ подкармливаютъ только дойныхъ или стельныхъ, на сносяхъ коровъ, телятъ да работающихъ быковъ. Остальной скотъ самъ разыскиваетъ себѣ пищу. Онъ разбредается по сѣнокосамъ, по рошамъ, по влажнымъ луговинамъ, гдѣ отыскиваетъ самымъ тщательнымъ образомъ мельчайшіе сѣдобные остатки. Къ моему удивленію, онъ въ крайнихъ только случаяхъ обращался къ высокому, густому растущему на кочкахъ пырею, предпочитая ему низенькія чуть замѣтныя травки, полуобглоданные остатки водорослей и тростника. Особенно онъ любитъ въ это время вѣтки деревьевъ: березы, тальника, осины.

Собирать и разыскивать скотъ въ это время довольно трудно: въ поискахъ пищи онъ уходитъ иногда далеко отъ дому, а между тѣмъ возможность наводненія и хрупкость льда на озерахъ, заставляетъ бдительно за нимъ наблюдать.

По мѣрѣ того, какъ разцвѣтаетъ растительность, скотъ быстро поправляется и веселѣетъ. Онъ уже днюетъ и ночуетъ въ тайгѣ безъ при-

смотра и замѣтно дичаетъ; домой является только въ жару, преслѣдуемый комарами и оводами, чтобы спрятаться отъ нихъ въ дымъ и подъ навѣсы. Только отелившіяся дойныя коровы являются по нѣскольку разъ въ день въ усадьбу, привлекаемые телятами. Скотъ все лѣто ходитъ безъ пастуха и особаго попеченія; только къ осени, когда начинаются длинныя, темныя ночи, вечеромъ скотъ ежедневно пригоняютъ домой: въ мѣстностяхъ мало населенныхъ — отъ «звѣря», въ густо населенныхъ — «отъ воровъ». Но и тутъ почуветъ онъ на дворѣ, въ изгороди; въ хлѣва запираютъ его не раньше первыхъ чиселъ сентября. Лѣтомъ въ хлѣвъ загоняютъ въ исключительныхъ только случаяхъ, въ сильный комаръ, въ грозу съ ливнемъ, въ болѣзнь... У многихъ якутскихъ «лѣтниковъ» даже нѣтъ хотоновъ: ихъ замѣняютъ крытые, невысокіе сараи, со сквозными стѣнами, сплетенными изъ ивовыхъ прутьевъ, а то и вовсе безъ стѣнъ.

«Хотоны» — душныя, темныя хлѣва, до того низкіе, что человѣкъ задрѣваетъ головой потолокъ. Не смотря на то, что ихъ за лѣто старательно просушиваютъ и провѣтриваютъ, разворачивая съ этой цѣлью иногда часть стѣнъ, въ нихъ быстро скопляется опять сырость; съ потолка и стѣнъ вѣчно каплетъ, а въ холода внутренность ихъ сплошь покрыта бѣлымъ морознымъ налетомъ. Полъ — бревенчатый, подъ поломъ — яма, куда стекаетъ моча. Такимъ образомъ скотъ всю зиму стоитъ надъ клоакой и дышетъ отвратительнымъ воздухомъ; моча никогда сразу не замерзаетъ и вонь стоитъ ужасная; часто яма переполняется и жидкій гной, течетъ по верху бревенчатого полу. Противный, острый, аміачный запахъ, пропитываетъ все, что находится въ зданіи: платье, волосы, тѣло людей, посуду, даже свѣже-подоенное молоко. Если хлѣвъ пристроенъ къ жилью, этотъ запахъ, не смотря на постоянную топку, до того въѣдается во всѣ предметы домашняго обихода, что не покидаетъ ихъ даже послѣ многихъ дней провѣтриванія.

Калъ счищаютъ ежедневно, въ отсутствіи скота, соскребывая его маленькими лопатами съ бревенчатого полу и выбрасывая на дворъ сквозь пробитое внизу въ задней стѣнѣ отверстіе, или сквозь окно. Тамъ изъ него выдѣлываютъ длинные болваны (балбакъ), которые затѣмъ замораживаютъ и увозятъ вонь со двора или складываютъ тутъ же въ кучи. Лѣтомъ, когда навозъ подсохнетъ, кучи жгутъ на дымокуры. Не смотря на то, что онъ горитъ все лѣто, навозу накапливаются иногда около дома такія массы, что якуты изъ за него бросаютъ старыя жилища и уходятъ на новыя мѣста. Никакой подстилки скоту не полагается, онъ лежитъ всю зиму на неровномъ, холодномъ, влажномъ полу; шерсть на животныхъ отъ грязи и сквернаго воздуха страшно портится, вылезаетъ; кожа по-

крывается паршою, ранами, пролежнями; на выменахъ нерѣдко являются нарывы и сыпь. Нѣкоторыя, особенно молодыя слабосильныя особи, въ концѣ зимы заболѣваютъ странной болѣзнью зубовъ и десенъ, похожей на цыngu. Помѣщается скоть въ хотонахъ до того тѣсно, что съ трудомъ можно протиснуться между одной и другой скотиной; коровница никогда не въ состояніи пройти по хлѣву безъ крика, безъ ударовъ и безъ того, чтобы не испачкаться навозомъ. На 10 — 12-ти квадратныхъ саженьяхъ стоитъ иногда до 30 штукъ.

Привязываютъ обыкновенно скоть головою къ стѣнѣ; подъ стѣнами вбиты колья и устроены рядъ невысокихъ, узкихъ яслей. Въ большихъ хотонахъ такія ясли устроены даже по срединѣ. Скоть привязываютъ тогда въ два ряда, другъ къ другу задомъ.

Отдѣльныя, отгороженные стойла устраиваются только для телятъ или особенно буйныхъ, драчливыхъ особей. Вообще якутскіе хлѣва возмутительны; наврядъ ли въ нихъ приходится на скотину больше $\frac{1}{2}$ кубической сажени воздуха.

Въ хотонахъ, соединенныхъ съ жилыми помѣщеніями, гдѣ топится каминъ, конечно, скоту лучше; такіе хотоны суше и гигиеничнѣе, но люди страдаютъ отъ вони и сквернаго воздуха; строить же отдѣльные хлѣва и особо отоплять ихъ не подъ силу большинству хозяевъ; это дѣлаютъ только богачи. Обширные, холодные хлѣва, какъ я указалъ выше, требуютъ больше сѣна, что тоже въ настоящихъ условіяхъ недоступно большинству якутовъ.

На штуку крупнаго рогатаго скота на югѣ якутской области полагается въ зиму 100 пудовъ сѣна (5 куб. саженныхъ возовъ непресованнаго сѣна); на дойную корову или рабочаго быка — 120 до 140 пуд. (6—7 воз.), на теленка 50—70 пудовъ; это приблизительно столько же, сколько полагается вообще въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Восточной Сибири, даже въ южной ея части ¹⁾. Кормятъ хозяйственные якуты скоть всегда на дворѣ.

Если зароды сѣна стоятъ близко, то во избѣжаніе возки, изгородь для кормленія устраиваютъ возлѣ нихъ. «Загонъ» представляетъ болѣе или менѣе просторную площадку, со всѣхъ сторонъ окруженную жердевымъ заборомъ. Съ подвѣтренной стороны, а иногда съ двухъ и трехъ сторонъ, если загонъ на юру, заборъ обставляютъ плотно другъ около друга стоймя уставленными бревнами, на подобіе стѣнъ юрты.

¹⁾ Смори «Земледѣліе и скотоводство» въ Канскомъ, Красноярскомъ, Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ, Енисейской губерніи. М. М. Дубенскаго. Иркутскъ 1884 г., стран. 173—181.

Иногда бревна замѣняются замороженными «балбаками» навозу. Снѣгъ на площадкѣ плотно утопанъ, а калъ скота и смѣтые ежедневно по утру счищаются съ нея широкими лопатами (кюрджяхъ), сгребается въ кучу по срединѣ или выбрасывается за изгородь. У обстоятельныхъ, порядочныхъ хозяевъ площадка для кормленія скота представляетъ опрятный даже щеголеватый видъ; гладкость ея вошла въ поговорку и сказки: «чтобы ни одна былинка не пропала на ней, чтобы все до чиста подобрали длинные языки голодныхъ коровъ». Сѣно разбрасываютъ прямо на землѣ небольшими кучками фунтовъ въ 5—6, соображаясь съ тѣмъ, чтобы количество кучекъ всегда превышало количество скота и чтобы разстояніе между кучками дозволяло скоту сводобно стоять и не топтать корма сосѣдокъ. Подоенный скотъ по утру выгоняютъ изъ хотона прямо къ корму; тамъ онъ запирается и предоставляется самому себѣ. Многочисленность кучекъ, не смотря на тѣсноту, устраняетъ драки: болѣе слабые уступаютъ сильнымъ и уходятъ къ незанятымъ копнамъ. Около полудня скотъ поятъ. Поятъ его на ближайшей рѣчкѣ или озерѣ изъ проруби (ойбонъ)¹⁾. Весною, когда близъ лежащіе водоемы выпиваются или вымерзаютъ, приходится иногда скотъ гнать на водопой версты за двѣ, что очень неудобно. Поэтому на выборъ мѣста жительства сильно вліяетъ близость зимняго водопоя. Въ сильныя стужи, напоенный, дрожащій отъ холода, скотъ загоняютъ въ теплые хлѣва, гдѣ имъ въ ясляхъ приготовлено немного корму; весною имъ тутъ же въ «загонѣ» подбрасываютъ перекусить немного сѣна, сортомъ похуже. Телятъ, которыхъ всю зиму держать въ жилыхъ избахъ, тамъ же кормятъ и поятъ; пойло для нихъ нерѣдко подогрѣваютъ. Въ хлѣвахъ также кормятъ только что оте-

¹⁾ Прорубь, всегда круглая, фута полтора въ діаметрѣ, окружена гладкимъ красиво изъ льда и мокраго снѣга выдѣланнымъ валикомъ. Валикъ защищаетъ скотъ отъ соскользванія въ прорубь и облегчаетъ доступъ къ водѣ. Таковы проруби во всей Сибири; чистка ихъ и отдѣлка лежить на попеченіи молодыхъ парней и они видимо ею щеголяютъ. Осенью прорубь дѣлается ближе къ берегу, затѣмъ постепенно по мѣрѣ убыли воды, ее переносятъ на глубину, куда воронкообразно вгибается весь ледяной покровъ. Отверстие проруби очищаютъ ненадолго передъ водопоемъ, долбятъ желѣзной пѣшней (ани), а осколки льда вылавливаютъ рѣшетчатой лопатой (хоппо кюрджяхъ). Въ старыхъ прорубяхъ уровень воды ниже льда; въ новыхъ—вода всегда послѣ взломанія льда, сильнымъ фонтаномъ бьетъ наружу и наполняетъ всю чашу проруби, гдѣ стоитъ на нѣсколько дюймовъ выше общей поверхности. Къ старымъ, изсякшимъ прорубямъ, по веснѣ, приходится нерѣдко прорубать во льду глубокіе ходы, чтобы дать доступъ скоту къ водѣ; скотъ пьетъ не рѣдко на колѣняхъ, а телятъ и коней приходится поить изъ ведра. Вода въ такихъ старыхъ прорубяхъ препротивная, загнившая, воняетъ сѣрнымъ-водородомъ и болотомъ. Проруби на ночь, чтобы ослабить ихъ промерзаніе, якуты нерѣдко прикрываютъ соломенными крышками и снѣгомъ. Кстати отмѣчу, что ледъ на озерахъ съ прорубями намерзаетъ повидимому толще, чѣмъ на нетронутыхъ.

лившихся коровъ; ихъ не водятъ на водопой дня 3—4 и поятъ теплой водой.

Таковъ въ общихъ чертахъ уходъ якутовъ за рогатымъ скотомъ; онъ всюду одинаковъ, слегка измѣняясь сообразно мѣсту и времени. Такъ, на примѣръ: норму 100 пудовъ сѣна на каждую крупную скотину и 50 на подростка въ зиму, нужно признать максимальной, практикуемой только въ обильные сѣномъ года; обыкновенно она равна 80 даже 70 пудамъ, а въ голодные года падаетъ до 50. Какъ только скотъ остается тогда живъ, понять трудно. Весною въ мартѣ, какъ только пригрѣетъ немного, онъ разбредается по дорогамъ побираться. Онъ подстерегаетъ возвращающіеся отъ зародовъ, возы съ сѣномъ, подбираетъ крохи корма, разсыпанныя тамъ и сямъ или застрявшіе на кольяхъ изгородей, толчется около стоговъ, прокрадывается во дворы богачей, гдѣ нѣтъ-нѣтъ пріѣдетъ кто нибудь и привезетъ въ саняхъ подстилку изъ сѣна или соломы. Все это мгновенно исчезаетъ. Если кто нибудь попробуетъ мимо такого голоднаго стада пронести охапку сѣна, то можетъ быть увѣренъ, что, не смотря на удары и крики, треть сѣна у него отберутъ. Бѣда тоже, если изгородь гдѣ-либо кругомъ сѣновала недостаточно крѣпка и густа. Эти тупоумныя, неуклюжія на видъ животныя въ дѣлѣ добыванія пищи проявляютъ иногда изумительную смысленность и ловкость. Для разгораживанія, подающей нѣкоторыя надежды, изгороди, они составляютъ даже нѣчто въ родѣ артелей: пока одна изъ скотинъ дѣйствуетъ рогами и шеей, другія терпѣливо ждутъ, чтобы замѣнить уставшую; крѣпость изгороди онѣ опредѣляютъ замѣчательно вѣрно и никогда не тратятъ напрасно силъ. Если быкъ между жердями просунулъ голову, то можно быть увѣреннымъ, что изгородь раньше или позже будетъ разобрана. Если же она не поддается усиліямъ, если нигдѣ нельзя отодвинуть засова, разшатать колья, разорвать тальниковыя связи, но внизу есть достаточно просторная щель, то животныя на кольяхъ или бокомъ пролѣзаютъ подъ нижней жердью. Якуты, сами хорошо знакомые съ неумолимостью голода, никогда не бьютъ, не наказываютъ, даже чужой скотины, пробравшейся въ ихъ сѣноваль: «виноваты люди, плохо загородившіе, а не она, бѣдняжка!»! разсуждаютъ они. Противъ подвиговъ особенно искусныхъ взломщиковъ, долженъ принимать мѣры самъ собственникъ; послѣдняго можно обжаловать въ родовой судъ, разъ взломанная изгородь отвѣчала общепринятой нормѣ.

Для скота здѣсь самый тяжелый періодъ въ году февраль.

Въ годы безкормицы только въ концѣ марта является возможность предпринять что либо для поддержанія гибнущаго скота; только тогда

возможно собирать и возить ивовыя вѣтки. Ивовыя (тальниковыя) вѣтки скоть охотно ѣсть, и якуты увѣряють, что онѣ лучше плохаго сѣна; ихъ не дробятъ, не рѣжутъ, а даютъ цѣлыми пучками.

Поправившійся и окрѣпшій, хоть немного, скоть становится затѣмъ предприимчивѣе и въ поискахъ корма разбредается по лѣсу, залѣзаетъ въ глубокій даже снѣгъ, чего избѣгалъ онъ до сихъ поръ дѣлать, чувствуя свое безсиліе.

При обыкновенномъ якутскомъ уходѣ здѣшняя корова даетъ до 60 ведеръ молока въ годъ. Это количество распредѣляется по времени такимъ образомъ:

			при якутскомъ уходѣ	при русскомъ уходѣ
съ	мая	по 1 іюля (70 дней)	по 6 мѣрѣ = 420	по 8 мѣрѣ = 560
»	15 іюля	по 1 сент. (45 »)	» 4 ¹ / ₂ » = 203	» 5 » = 225
»	1 сент.	по окт. (30 »)	» 3 » = 90	» 4 » = 120
»	окт.	по янв. (120 »)	» 2 » = 240	» 3 » = 360
»	фев.	по март. (28 »)	» 1 » = 28	» 2 » = 56
			981 мѣрѣ	1321 м.

что составить на всѣхъ кругл. счет.: при якутскомъ уходѣ 73 пуд. молока.
 » » » » » при русскомъ уходѣ 102 пуд. молока.

Такая корова считается очень хорошей; средняя даетъ почти на треть меньше.

Отмѣчу, что въ мартѣ и апрѣлѣ, передъ отѣломъ, огромное большинство коровъ перестаетъ давать молоко; болѣе крѣпкія и сытыя перестаютъ доиться всего на мѣсяцъ, на нѣсколько недѣль до родовъ, другія — уже съ половины зимы. Много въ этихъ случаяхъ зависитъ отъ обилія и сорта корма. Для якутовъ чрезвычайно важно, чтобы періодъ этотъ былъ возможно короткій, поэтому они въ случаѣ недостатка сѣна, дойныхъ коровъ кормятъ въ ущербъ остального скота. Иногда во всей мѣстности кругомъ на сотни верстъ случаются оригинальныя у якутовъ голодовки, вслѣдствіе *одновременнаго* прекращенія коровами дачи молока: всѣ коровы оказываются стельныя. Все это въ самой тѣсной связи съ продолжительностью минувшей зимы, съ осенними кормами и обиліемъ и качествомъ корма въ текущую зиму. Время течки животныхъ передвигается вслѣдствіе этихъ причинъ то на начало лѣта, то на осень. Все зависитъ отъ степени тучности и сытости скота; жирные быки богачей обхаживаютъ яловыхъ самокъ нерѣдко въ апрѣлѣ, между тѣмъ какъ слабосильный скоть бѣдняковъ случается въ іюлѣ даже въ августѣ.

Якутскія коровы плодовиты; онѣ способны рожать ежегодно, и среди нихъ стародойки и яловыя встрѣчаются относительно рѣдко. Чтобы

обеспечить себѣ молоко на зиму и оставить стародойку, приходится прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ и подвѣшивать коровамъ фартукъ. Молоко стародоекъ считается лучшимъ, самымъ жидкимъ конечно является молоко послѣ отела ¹⁾). Рожать якутскія коровы довольно трудно, рѣдко обходятся безъ человѣческой помощи; режутъ при родахъ и стонутъ. Коровъ на сноскахъ держать во дворѣ или даже въ хлѣву; роженецъ кормятъ отборнымъ сѣномъ и изрѣдка солью. Телятся коровы уже по 3-му году.

Уходъ за теляткою до крайности простъ. Только что родившагося теленка кладутъ на нѣкоторое время передъ мордой матери, чтобы она его облизала; затѣмъ уносятъ въ теплую избу и ставятъ передъ каминомъ вблизи огня. Первые сутки его морятъ голодомъ; на второй день даютъ ему немного пососать, а на третій примѣняютъ къ нему уже тотъ режимъ, который вслѣдъ затѣмъ удерживается въ продолженіи года. Каждый разъ передъ доеніемъ его подпускаютъ къ матери для раздраженія послѣдней, затѣмъ быстро отводятъ и начинаютъ доить. Когда молока осталось на столько мало, что пальцами трудно выжать, пускаютъ теленка.

Рѣдкія якутскія коровы доятся безъ телятъ, а каждая изъ нихъ послѣ потери теленка обязательно уменьшаетъ дачу молока. Чтобы приучить ее къ другому теленку, покрываютъ подставного шкуркой сдохшаго, а то посыпаютъ его солью, чтобы корова слизывая привыкла къ нему. Если корова при доеніи почему-либо заупрямится, то у ней дутьемъ и щекотаніемъ раздражаютъ половые органы; а если и это не помогаетъ, то вводятъ во влагалище руку и нажимаютъ матку, послѣ чего молоко начинаетъ струей литься изъ вымени. Этимъ средствомъ бѣдняки пользуются при каждой почти дойкѣ, ради увеличенія удоя.

Телятъ очень рано приучаютъ къ травѣ и сѣну; на пастбище телятъ выпускаютъ не раньше 6 — 8 недѣль; ихъ запираютъ въ особыя изгороди — телятники; вмѣстѣ со стадомъ отпускаютъ въ поле только 3-хъ мѣсячныхъ телятъ, надѣвши имъ берестяныя намордники или дощечки съ зубцами на концахъ, мѣшающіе имъ сосать матокъ. Кастрируютъ бычковъ, предназначенныхъ для работы, на второй годъ, «когда трава начинаетъ зеленѣть и становится тепло». Кастрацію производятъ вырѣзываніемъ яичекъ; рану перевязываютъ и зашиваютъ. Послѣ кастраціи часто молодые животныядохнуть или у нихъ являются какіе-то судорожные

¹⁾ Съ одного пуда хорошаго молока якуты получаютъ 2½ фун. масла и 30 фун. тару (кислое молоко).

припадки; замѣчательно, что припадки возобновляются, когда скотина начинаетъ отгуливаться и жирѣть.

Коровы подпускають быковъ уже по 2-му году, а трехъ-годовалые бычки-поросы уже охаживають самокъ. Кульминаціоннымъ пунктомъ роста и силы у рогатаго скота считаютъ якуты 6 лѣтъ. Живетъ якутскій скотъ лѣтъ до 30, но якуты позволяютъ доживать даже до 20 только исключительнымъ особямъ, отличающимся особенной молочностью, силой или ростомъ. Обыкновенно убивають старѣющійся скотъ уже по 10—12 году.

Замѣчательна огромная смертность якутскихъ телятъ; оставляя въ сторонѣ частыя выкидыши коровъ, происходящіе отъ плохаго корма, узкихъ дверей въ хлѣвахъ, ушибовъ и т. д., мы не сдѣлаемъ ошибки если 60% смертности, вычисленныхъ Маакомъ для Вилюйскаго округа, признаемъ общими.

Эта ежегодная трата приплода, да то огромное количество мяса и жиру, которое ежегодно поглощается на живомъ скотѣ весенней безкормицей, составляетъ пока главную массу энергіи, которую вырабатываютъ и теряють здѣшніи стада; то, что они въ видѣ молока и мяса отдають человѣку, составляетъ относительно ничтожную долю.

Изъ повальныхъ болѣзней самая распространенная это—сибирская язва; она здѣсь почти не прекращается, вспыхивая ежегодно то тутъ, то тамъ. Въ сухіе годы и сухіе мѣсяцы она затихаетъ, въ мокрые — возобновляется. Зимой падежи почти прекращаются. Якуты обыкновенно стараются уйти отъ мѣстъ посѣщенныхъ болѣзнью, но такъ какъ уносятся съ собою содранныя кожи, а часто и мясо погибшихъ животныхъ, то зараза идетъ за ними слѣдомъ, пока не прекратитъ ее какой-либо благопріятный случай, особенно сухой или морозный годъ.

Часто также среди якутскаго скота можно встрѣтить чахоточныхъ, припадочныхъ, ревматиковъ; рабочіе быки часто гибнуть отъ натуги, отъ воспаленія легкихъ, отъ порока сердца, что якуты называютъ «ледъ въ сердцѣ» (бусъ сюракка); въ началѣ лѣта отъ зноя, гибнуть особенно истощенные за зиму: съ ними дѣлается нѣчто въ родѣ солнечнаго удара. Сильно также страдаетъ якутскій скотъ отъ порчи зубовъ. За зубами своего скота якуты особенно внимательно наблюдаютъ, такъ какъ часто у совершенно здоровой скотины, появляются острия на зубахъ отростки (кылань), мѣшающіе ѣсть. Эти отростки спиливаютъ особыми подпилками, вставивъ коровѣ въ ротъ большую деревянную втулку для удобства операціи.

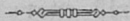
Лѣчатъ якуты скотъ преимущественно шаманствомъ, рѣже даютъ снадобья: соль, сушеную, толченую еврашку или дятла, лекарственные

травы... Безнадежно больную или окалѣченную скотину торопятся убить, пока жива.

Значеніе полового подбора хорошо извѣстно якутамъ, но они слабо имъ пользуются; они стараются только оставить на племя самыхъ сильныхъ и красивыхъ быковъ, да телятъ отъ самыхъ молочныхъ коровъ; все остальное предоставляется случаю. Скотъ ихъ ходитъ въ полѣ, смѣшивается со всякимъ другимъ и постоянно подвергается самому неожиданному скрещиванію. Въ результатѣ является всюду одна и таже порода, съ незначительной разницей въ ростѣ. Тѣмъ болѣе удивительно, что до сихъ поръ среди якутскаго скота у нѣкоторыхъ особей встрѣчаются слѣды происхожденія ихъ отъ «яковъ», о привозѣ которыхъ въ Якутскъ писалъ Миддендорфъ ¹⁾. Какимъ образомъ слѣды эти до сихъ поръ сохранились, для меня остается загадкой. Якуты называютъ ихъ китайскимъ скотомъ (кытай сюёсю). Они широколобы, горбато-носы, шерсть на нихъ курчава, хвостъ заканчивается болѣе пушистой кистью, ростомъ они крупнѣе и нравомъ дичѣе.

Кромѣ этой помѣси видѣлъ я также въ Якутскѣ холмогорскихъ быковъ и коровъ, но телята отъ нихъ продаются черезъ чуръ дорого; за случку съ кровными поросами также приходится платить, что противно обычаю, наконецъ: эти порося черезъ-чуръ крупны для якутскихъ коровъ. О вліяніи ихъ на улучшеніе породы якутскаго скота говорить трудно; я не знаю, кто и затѣмъ привезъ ихъ сюда, говорятъ, что они принадлежали нѣкогда образцовой фермѣ. Думаю, что помѣсь съ «яками» болѣе соответствуетъ и породѣ мѣстнаго скота, и мѣстнымъ условіямъ.

Желательно было бы возможно скорое сравнительно-научное изученіе и опредѣленіе породы якутскаго скота съ точки зрѣнія его близости къ бурятскому, монгольскому или минусинскому.

¹⁾ Фауна, стр. 96—97 и 549.